

Наконец, следует обратить внимание на то, как губительно может отразиться на смысле фразы неточный перевод предлога, например: «будем соблюдать... ту умеренность, которую мы все усвоили от внезапного прилива чувств...» (§ 3, стр. 359), «*quod temperamentum omnes in illo subito pietatis calore servavimus*», т. е. «ту сдержанность, которую мы все сохранили даже в момент пылкого преклонения». Подобная же неясность имеется в письме I, 21 (стр. 34), где речь идет о только что купленных рабах; Плиний доволен их наружностью, но не знает еще, вполне ли они честны, и прибавляет: «об этом у невольников надо судить не зрением, а слухом — *quod de venalibus melius auribus quam oculis iudicatur*»; очевидно, вернее было бы сказать «о рабах» или «относительно рабов» или же «когда дело идет о рабах» и т. п.

Остается сказать несколько слов о передаче некоторых риторических приемов. Придавать большое значение соблюдению их, конечно, не следует: однако там, где они не нарушают строя русской речи, воспроизводить их можно. Например, в уже цитированном письме к правителю Ахайи, где Плиний очень щеголяет возвышенностью своих мыслей и изысканным слогом, легко передать риторическую фигуру климаткса: «*libertatis nomen eripere d u r u m, f e r u m b a r b a r u m q u e e s t*». В переводе — «это было бы зверской, варварской жестокостью» — нарастание понятий пропадает; или там же фигура хиазма — «*t i m o r a b i t, s i c e d a s, m a n e t a m o r*» тоже стерта в переводе «страх исчезнет, а любовь останется». Этот последний момент, конечно, менее важен, чем смысловые уклонения, но мог бы иногда придать переводу добавочный блеск.

Все эти замечания отнюдь не имеют целью упрекнуть в небрежности коллектив переводчиков, сделавших такую большую работу и подаривших нам такую прекрасную книгу, а должны толькошний раз подчеркнуть, как много трудностей представляет перевод с латинского языка даже для крупных специалистов и как благодарны должны быть читатели, в первую очередь студенты, изучающие античную историю и литературу, тем, кто берет на себя этот утомительный, кропотливый, но чрезвычайно важный труд.

М.¹ Е. Грабарь-Пассек

АРХЕОЛОГІЧНІ ПАМ'ЯТКИ УРСР, т. I—II, Київ, 1949, 264 и 333 стр.

За последние годы археологические работы на Украине получили широкий размах. Кроме украинского Института археологии и его филиала во Львове, в них принимают участие ИИМК АН СССР, ряд университетов и музеев, а также другие научные учреждения. Результаты этих работ постепенно публикуются. Основным изданием украинского Института археологии является периодический сборник «Археология»¹. В 1949 г., наряду с этим сборником, Институт начал издавать также «Археологические памятники УССР», в которых печатаются отчеты и краткие сообщения о полевых исследованиях. В двух вышедших томах помещены сообщения о работах 1945—1946 гг. Первый том посвящен славянским древностям. Он состоит из трех разделов: памятники времен Киевской Руси, раннеславянские памятники и маршрутные экспедиции. Наш обзор мы начнем со второго раздела, в котором помещены следующие статьи.

Е. М а х н о, Поселения культуры полей погребений на северозападном Правобережье (стр. 153—175). Раскопки трех поселений (в селах: Жуковцы Киевской области, Ягнятин и Пражев Житомирской области) имели целью выяснить их топографию и планировку, а также характер жилищ. Всего было раскопано 12 жилищ, собрано большое количество фрагментов керамики, орудий труда, оружия, украшений и т. д. Автор отмечает, что в указанной части Приднепровья поселения культуры полей погребений находятся обычно на юго-восточных склонах надпойменных террас небольших речек. Жилища представляют собой сооружения наземного типа с деревян-

¹ См. обзор первых четырех номеров «Археологии» в ВДИ, 1948, № 4 и 1951, № 3.

ным каркасом. Стены обмазывались глиной. Среди находок преобладает глиняная посуда. Сосуды вылеплены от руки или на гончарном круге. Основным видом сосудов являются круглые горшки с шершавой поверхностью. В поселениях у сел Жуковцы и Ягнятин автор выделяет особую группу посуды промежуточного типа между посудой культуры полей погребений и посудой времени Киевской Руси. Наличие этого типа посуды и некоторые другие находки позволяют автору считать VI—VII вв. верхней хронологической гранью существования последних двух поселений.

Публикация Е. Махно вводит в научный оборот новые поселения культуры полей погребений. Интерес к раскопанным поселениям усиливается еще и тем, что они дают некоторые материалы для заполнения пробела в истории развития славянской культуры между V и VII вв. н. э. Однако не все выводы автора достаточно аргументированы. Неубедительно определение нижней хронологической даты поселения I в с. Ягнятин на основании единичной находки монеты одного из Антонинов, которая была случайно обнаружена крестьянином на поверхности земли (стр. 169). Более основательной аргументации требует и установление верхней хронологической даты того же поселения. Е. Махно ссылается на находку лишь одной корчагоподобной амфоры, в датировке которой сам автор недостаточно уверен, поскольку он без обстоятельной аргументации пишет: «Кажется, ее можно датировать VI—VII веками» (стр. 169).

М. Тиханова, Раскопки верхних горизонтов поселения в с. Лука-Врублевецкая (стр. 177—182)¹. В 1946 г. изучались культурные слои, залегающие над известным трипольским поселением. Вскрыто несколько печей и очагов — остатки поселения первых веков нашей эры. По берегам Днестра разведкой выявлены неизвестные ранее поселения II—IV вв. н. э.: у сел Брага, Станиславовка, Вороновицы и в других пунктах. Автор полагает, что памятники II—IV вв. н. э. были оставлены антами, а более поздние — уличами.

Т. Сискова, Предварительный отчет о раскопках в с. Глушевка Первомайского района (стр. 184—187). Обследованное поселение тянется вдоль Южного Буга на 3 км в длину и приблизительно на 0,5 км в ширину. Раскопками вскрыты остатки жилища и погребения культуры полей погребений. Обнаружена керамика скифского времени и усадовской культуры.

М. Смишко, Отчет об исследовании селища периода полей погребений в Неслухове в 1946 г. (стр. 189—204). Задачей экспедиции являлось уточнение хронологии Неслуховского селища Новомилятинского района Львовской области. Это селище еще в 1898—1903 гг. исследовалось К. Гадачеком. Оно располагается на двух урочищах: Грабарка, где проводил работы К. Гадачек, и Лисковица, на котором работала экспедиция 1946 г. В процессе раскопок, проводившихся шурфами, были обнаружены остатки постройки с погребом, ямы для отбросов, печи и очаг. Наиболее многочисленные находки глиняной посуды подразделяются автором на три группы: 1) лепную, 2) кружальную, лощеную, изготовленную из отмученной глины, и 3) кружальную с шершавой поверхностью из глины со значительной примесью песка. Посуда украшена врезными горизонтальными линиями, расположенными по плечикам сосудов. Керамический и прочий материал (конические и биконические пряслища, костяной гребень, железные ножи) позволяет отнести это селище к черняховскому типу. Наличие третьего типа керамики, который не укладывается в принятые хронологические рамки черняховской культуры (III—IV вв.), заставляет автора поставить вопрос о пересмотре верхней даты существования этого селища. По мнению М. Смишко этот тип керамики появляется в IV в. н. э. и продолжает бытовать в последующие века. Интересной ее особенностью является большое сходство с керамикой феодального времени. Это позволяет автору «расширить хронологию (данного селища. — А. М.) на V и дальнейшие столетия н. э.» (стр. 203), что в равной мере относится и к другим памятникам этого типа. М. Смишко отмечает наличие раннефеодальных памятников в большинстве

¹ О дальнейших раскопках этого поселения в 1947 г. см. М. А. Тиханова, Раскопки поселения первых веков н. э. в Луке-Врублевецкой (Днестр), КС ИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 72 сл.

обследованных селищ и полагает, что «никакого перерыва в поселении между V и VII вв. н. э. не было и что должна существовать прямая связь между периодом полей погребений и феодальным периодом» (стр. 204).

В первом разделе сборника большинство публикаций посвящено древнерусским городам и поселениям времени Киевской Руси. Мы остановимся лишь на отдельных статьях. Б. А. Рыбаков, *Раскопки в Переяславле-Хмельницком* в 1945 г. (стр. 21—25). Основной задачей экспедиции являлись поиски древнего поселения, на основе которого позднее вырос великокняжеский город. Поиски не увенчались успехом. Однако впервые здесь был обнаружен нормальный культурный слой XI—XII вв. За пределами древнего города работы проводились на «Змеевом валу», который автор датирует скифским временем, и на прилегающем к нему городище того же времени. Между валом и городом на берегу Днепра найдено большое селище с керамикой эпохи бронзы и скифов.

И. Ляпушкин, *Древнеславянские поселения VIII—XIII вв. на территории г. Полтавы* (стр. 58—74). Автору удалось обнаружить в самой Полтаве остатки славянского селища VIII—XIII вв. Здесь же вскрыты остатки более древнего селища, типа поселений зольничной культуры VII—II вв. до н. э. Следов непрерывной связи между этими двумя культурами не найдено.

Я. Станкевич, *Шестовицкая археологическая экспедиция 1946 г.* (стр. 50—56)¹. При раскопках могильника и городища у с. Шестовицы, близ Чернигова, раскопано семь курганов. В шести из них обнаружен обряд трупосожжения на месте сооружения кургана, а в седьмом — погребение воина-дружинника вместе с рабой и конем в погребальной камере.

Автор вполне правильно выступает против мнения шведского археолога Т. Арне о принадлежности погребений в камерах норманнам и говорит, что подобный обряд погребения имеет «старые традиции в южной части территории СССР, где он известен уже в скифское время» (стр. 56). Разницу в погребальных обрядах Я. Станкевич объясняет различием в занятиях и образе жизни умерших. Небольшие раскопки на городище показали, что оно современно могильнику. Автор высказывает предположение о принадлежности могильника северянам. С этим никак нельзя согласиться. Б. А. Рыбаков весьма убедительно показал², что письменные источники никогда не связывали Чернигов с северянами. Термин «Северянская Черниговщина» является домыслом историков без должных к тому оснований. Изучение археологических памятников левобережья Днепра, которые также по традиции связывались с северянами, привело Б. А. Рыбакова к выводу, что «Чернигов, Переяславль и широкая двухсоткилометровая полоса левобережья Днепра была занята совершенно иным населением (не северянами.— А. М.), с особым погребальным обрядом, со своим набором вещей, с высокой и яркой дружинной культурой»³.

М. Воеводский, *Городища Десны* (стр. 105—110). Основной задачей экспедиции было систематическое обследование правобережья Десны и Сейма от Брянска до Курска. Общей чертой всех поселений является мощность культурного слоя. На многих городищах встречены остатки материальной культуры разных эпох от середины I тысячелетия до н. э. до XIII в. н. э. Автор устанавливает три этапа их существования: 1) середина I тысячелетия до н. э. — первые века нашей эры; 2) VII—IX вв. н. э. (роменское время); 3) X—XIII вв. (Киевская Русь)⁴. М. Воеводский отмечает, что

¹ Ср. Я. В. Станкевич, *Шестовицкие курганы. Тезисы доклада*, КС ИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 100.

² См. Б. А. Рыбаков, *Поляне и северяне*, СЭ, VI—VII, 1947.

³ Б. А. Рыбаков, *Указ. соч.*, стр. 94. К аналогичным выводам пришел и автор настоящего обзора в своей кандидатской диссертации «Северяне по данным археологии», защищенной в Ленинградском университете в 1945 г.

⁴ О периодизации более подробно говорится в статье того же автора «Городища верхней Десны», КС ИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 67 слл. Здесь первый этап в развитии городищ назван Юхновским.

ни на одном из городищ не встречено посуды из серой глины с гладкой глянцевитой поверхностью, характерной для эпохи полей погребений (стр. 107).

С. Семенов-Зусер, Раскопки около с. Верхнего Салтова в 1946 г. (стр. 112—136). Автор публикует дневник раскопок известного могильника. Всего раскопаны 24 катакомбы. Особое внимание было обращено на изучение похоронного обряда и строительной техники древнего населения Салтова. Среди аланских могил встречено несколько погребений со славянскими вещами.

Третий раздел сборника — маршрутные экспедиции — включает отчеты о разведках, во время которых обследовались как славянские, так и более ранние памятники.

Т. Пассек, Поросская археологическая экспедиция 1945 г. (стр. 209—221). Во время этой экспедиции изучался район Каневщины. Обследовано 59 памятников, большая часть которых впервые открыта данной экспедицией. Наиболее древними являются памятники трипольской культуры у сел: Пекари, Кононча, Хмельна, Гришанцы, Букрин. Поселения и тип жилищ аналогичны памятникам Киевщины, однако комплекс находок здесь несколько иного типа. На Каневщине преобладает расписная керамика. Черная краска и сам стиль росписи сближают ее с керамикой Бужского бассейна (этап С/1). На правобережье Днепра впервые открыто восемь селищ эпохи бронзы (близ Канева, с. Пекари и в других местах). Все обследованные селища принадлежат к катакомбной культуре (начало и середина II тысячелетия до н. э.)¹. Кроме того, обследованы два скифских городища и три селища, а также ряд селищ эпохи полей погребений.

П. Третьяков, Отчет об археологических исследованиях в 1946 г. в бассейне рек Роси и Тясмина (стр. 223—236)². На Правобережье Днепра по р. Россаве осмотрено 12 городищ, которые датируются XI—XIII и XVII—XVIII вв. По Роси обследованы 11 городищ и селищ преимущественно скифского и средневекового времени; в трех пунктах найдена керамика эпохи полей погребений и в одном — трипольская. На р. Тясмине выявлено 8 селищ и городищ скифского времени, 3 селища эпохи полей погребений и 1 позднесредневековое поселение. Памятников великокняжеского времени здесь не обнаружено. Автор констатирует «отсутствие ранних славянских памятников в этих районах». П. Н. Третьяков высказывает предположение, что «бассейн Роси — южная окраина славянских земель в Киевскую эпоху — был ею и в предшествующие столетия» (стр. 236).

В. Гончаров, Археологические разведки по реке Роставице в 1946 г. (стр. 237—244). Обследованию подверглись оба берега реки Роставицы от м. Паволочь Попелянского района до с. Белиловка Ружинского района. Наибольший интерес представляет городище с поздним трипольским слоем (м. Паволочь). Позднетрипольская керамика встречена и на других городищах (м. Белиловка, с. Ягнятин), населенных и в более позднее время. Кроме того, зафиксированы два скифских поселения и более десятка поселений эпохи полей погребений. Автор отмечает, что для последних характерна гончарная посуда с шершавой поверхностью.

Ф. Копылов, Посульская экспедиция 1945—1946 гг. (стр. 246—253). Обследован правый берег Сулы от с. Ольшаны Недригайловского района Сумской обл. до устья реки и ее правые притоки. Выявлены неолитическая стоянка, три стоянки эпохи бронзы, селища культуры полей погребений, памятники роменско-боршевской культуры и эпохи Киевской Руси. Работы 1946 г. показали, что южную границу распространения роменско-боршевской культуры следует перенести от с. Глинска Сумской обл. на р. Удай, т. е. на 80—100 км вниз по течению р. Сулы (стр. 250). Следует отметить, что среди вновь открытых памятников автор называет болотное

¹ Подробнее см. Т. Пассек, Селища эпохи бронзы в районе Канева, КС ИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 42 сл.

² Ср. П. Н. Третьяков, Днепровская экспедиция. Тезисы доклада, КС ИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 98 сл.

городище у с. Бодакwa Лохвицкого района (стр. 247), между тем как оно известно в литературе еще с 1925 г.¹

М. С м и ш к о, Верхне-Днестровская разведочная экспедиция 1946 г. (стр. 254—256). Разведка проводилась по обоим берегам Днестра от с. Спас Стрелковского района до с. Роздил Николаевского района на протяжении 110 км. Выявлены неолитические могильники, могильник культуры шнуrowой керамики, селище культуры полей погребений и более поздние памятники.

М. А р т а м о н о в, Южно-Подольская экспедиция (стр. 257—261)². В известном Немировском городище зафиксировано наличие поселений трипольского и скифского времени, а также славянского домонгольского периода. В районе Могилева Подольского выявлен ряд селищ трипольской культуры, скифских и славянских городищ. Особенно интересны Матерское и Дерешовское городища скифского времени, возможно, промежуточные между поселениями трипольской и скифской культуры (стр. 259). Обнаружено несколько памятников культуры полей погребений.

*

Второй том сборника также состоит из трех разделов: 1) скифо-сарматское время, 2) эпоха бронзы и неолит, 3) палеолит. Сборник открывается отчетами о раскопках античных городов Северного Причерноморья и прилегающих к ним территорий. При этом исследователи обращали особое внимание на культуру местного населения.

Л. С л а в и н, Раскопки в Ольвии в 1946 г. (стр. 7—30). Во время Великой Отечественной войны Ольвийский заповедник, как известно, был разрушен немцами. Перед Институтом археологии стояла сложная задача восстановить заповедник и продолжить довоенные раскопки. Исследование Ольвии как греко-скифского города организовано теперь на новых началах. Прежде всего расширяется работа по всестороннему изучению жизни и культуры скифского населения как самой Ольвии, так и ее периферии. В 1946 г. работы велись на территории нижнего и верхнего города и в некрополе. В нижнем городе продолжались раскопки крепостной стены I—II вв. н. э. В 1946 г. полностью раскрыты две жилые постройки (дома № 6 и № 7). На участке «НГ» открыт третий дом (№ 8), в одном из подвалов которого обнаружены четыре больших пифоса. Автор полагает, что они находились в большом подвальном помещении, принадлежавшем богатому жителю Ольвии.

В верхнем городе на участке «А» с западной стороны Зевсова кургана продолжались раскопки большой постройки IV—II вв. до н. э. На участке «Д» открыты культурные остатки различного времени (VI—I вв. до н. э.). Основная масса строительных остатков принадлежала большой постройке, существовавшей здесь в ранне- и позднеэллинистическое время. Начаты были также раскопки на участке «Е», расположенном к югу от Зевсова кургана. Открыты три помещения подвального этажа большого здания IV—III вв. до н. э. В других пунктах этого же участка выявлены слои позднеархаического и классического времени.

В некрополе раскопки проводились на двух участках. Выделяется погребение скифа V в. до н. э. с мечом, стрелами, остродонной амфорой и другими вещами. Коллекции собранных находок содержат сотни уникальных вещественных памятников: глиняной посуды, монет, металлических изделий, памятников искусства.

М. Б о л т е н к о, Раскопки на острове Березани в 1946 г. (стр. 31—37). Дореволюционные археологи обращали главное внимание на античные памятники Березани. Советские исследователи установили большую роль местного элемента в жизни античного поселения. В 1946 г. раскопана славянская землянка X—XIII вв., перерезавшая античные слои. Находки свидетельствуют о значительном развитии рыболовства. Открыты также каменные постройки VI в. до н. э. и многослойная полуземлянка,

¹ М. Р е н ь с к и й, Роспуки та роскопи на Лохвичині. Бюллетень кабинету антропології та етнології ім. Хв. Вовка, Киев, 1925, стр. 40.

² М. И. А р т а м о н о в, Южноподольская экспедиция. Тезисы доклада, КС ИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 74 сл

в полу которой обнаружена грушобразная в разрезе, повидимому, жилая яма. Нижняя часть стен ямы выложена большими плоскими камнями. Яма была заполнена костями рыб и домашних животных, а также фрагментами древнеионийской и расписной тонкостенной родосско-ионийской посуды, датируемой рубежом VII—VI вв. до н. э.

Это позволяет автору отнести всю полуземлянку и яму к началу VI в. до н. э. Эта полуземлянка расположена над второй жилой ямой, принадлежавшей местному населению, в которой найдено большое количество фрагментов местной лепной посуды, толстостенных греческих амфор, а также тонкостенной греческой посуды, в том числе и фрагменты ионийского килика VII в. Яма была вырыта не раньше, чем здесь появились греческие рыбопромышленники и торговцы. Автор высказывает предположение, что местное население не было зависимо от ионян.

Л. Д м и т р о в, Днестровская археологическая экспедиция (стр. 39—52). В 1946 г. впервые проводились систематические раскопки Тиры. Работы велись в юго-восточной части города, против современного порта. Анализ строительного материала, архитектурной техники, способов строительства, а также керамики и других находок позволяет предварительно наметить три строительных периода: средневековый (XII—XIV вв.), римский (I—III вв.) и эллинистический. Наибольший интерес представляет сложенная из отдельных квадратных камней четырехугольная в плане постройка, расположенная в восточной части раскопа. Интересны также печи, напоминающие по своему устройству большой глиняный сосуд конусообразной формы, закопанный в землю, с отверстием в верхней части. Весь вещевой материал античного времени имеет очень много общего, а в ряде случаев тождественен находкам из Ольвии, Пантикалея и Феодосии, что свидетельствует об общности материальной культуры всех этих городов.

М. Р у д и н с к и й, Мачухская экспедиция Института археологии (стр. 53—79). Проведены раскопки могильника у м. Мачухи Полтавского района и обследовано несколько связанных с ним групп зольников. Большинство раскопанных погребений датируется VII в. до н. э. Автор считает, что истоки культуры эпохи железа в лесостепи следует искать, с одной стороны, в центральной лесной Полтавщине и нынешней Сумщине, а с другой — на Канево-Черкасско-Чигиринской полосе лесных островов в Киевщине и лесостепном Подолье. Зондажные раскопки одного зольника в урочище «Десятое поле» выяснили характер напластований, из которых сложен зольник.

И. Ф а б р и ц и у с, Тясминская экспедиция (стр. 80—110). Кроме известных ранее скифских городищ Галушинского (Жарище) и Матрониного, здесь обнаружены Шарповское, Макеевское и Будянское. Все они объединены автором в шарповскую группу городищ. На запад от с. Макеевки выявлен могильник позднескифского времени; на притоках рек Тясмина и Синюхи зафиксировано несколько поздних селищ культуры полей погребений. На Шарповском городище проведены раскопки валов и нескольких участков. В насыпи внешнего вала наблюдается чередование утрамбованных слоев со слоями, пережженными на кирпич. Способ пережигания насыпи на кирпич, по мнению автора, является спецификой тясминских городищ. На территории городища обнаружены печи-очаги и печь производственного назначения, около которой найдены куски железной руды, кусок медной руды и остатки шлака. Найдено много керамики — обломки греческой посуды (чернофигурная, чернолаковая, амфорная) и сосудов местного производства. Кроме того, обнаружены пряслица, несколько антропоморфных статуэток, металлические изделия и бусы, а также много костей диких и домашних животных. Анализ находок позволяет говорить, с одной стороны, о развитии местного ремесленного производства, а с другой, — о широких торговых связях с древней Грецией. Данное городище, как и другие городища этой группы, датируется VI—V вв. до н. э.

Б. Г р а к о в, Информационный отчет Никопольской археологической экспедиции за 1946 г. (стр. 112—115)¹. Экспедицией описано 20 могильных групп в окрест-

¹ Ср. Б. Н. Г р а к о в, Никопольская экспедиция. Тезисы доклада, КС ИИМК, вып. XXI, 1947; стр. 73.

ностях ст. Марганец. Раскопано шесть могил эпохи бронзы и скифского времени. Небольшие раскопки проведены также на Покровском селище и на Каменском городище. У Знаменки обнаружено селище скифского времени, на берегах Белозерского лимана — селища раннесрубного, киммерийского и скифского времени. Большой интерес представляет открытая в Васильевском районе пирамидальная могила типа Чертомлыка и Солохи.

Е. Покровская, Раскопки близ с. Макеевки (стр. 130—137). Экспедицией раскопано два кургана IV—III вв. до н. э. близ с. Макеевки Ротмистровского района Киевской области.

В. Ильянская, Разведки памятников скифского времени на Посулье (стр. 139—147). Здесь были выявлены новые городища (Сухоносское, Свиридовское, Хитговское) и селище (с. Малый Вязинок) того же времени. Более детально обследованы городища Басовское и у с. Великие Будки. Характерной особенностью местной керамики является отсутствие черноглянцевой инкрустированной посуды раннескифского времени. На грубых кухонных сосудах редко встречается налепной валик. Орнамент из пальцево-ногтевых защипок располагается обычно по краю венчика. Часто встречаются прямые неорнаментированные венчики. Время возникновения городищ пока не установлено.

М. Синицын, Исследование скифо-сарматских памятников под Одессой в 1946 г. (стр. 149—155). В этом районе были открыты селища скифо-сарматского времени, античные поселения и татаро-монгольские памятники¹.

Переходим к обзору отчетов и сообщений о памятниках эпохи бронзы и неолита.

Е. Лагодовская, Каменные закладки Надпорожья (стр. 159—179); А. Добровольский, Каменные закладки в окрестностях Таволжаного острова (стр. 180—189). Е. Лагодовская проводила раскопки так называемых каменных закладок² на островах Сурском и Таволжаном, на р. Вороне, в с. Вовниги и на балке Башмачка; Е. Добровольский изучал их на хуторе Орлове и в урочище Круглик Запорожской области. Исследователями установлено, что обычай закладывать могилы камнем появляется в эпоху неолита, получает особое распространение в эпоху бронзы, но встречается также и в скифо-сарматское время.

А. Добровольский, Каменные сооружения в Надпорожье (стр. 191—200). Автор пришел к выводу, что каменные сооружения³ являются остатками жилищ и хозяйственных, а не культовых построек, как полагали ранее. Они существовали в эпоху бронзы и в начале железного века и принадлежали земледельческому населению, в то время как каменные закладки — кочевому.

Е. Лагодовская, Усатовская экспедиция 1946 г. (стр. 201—203). Экспедицией выявлено несколько местонахождений усатовской и трипольской культур.

Е. Махно, Два памятника эпохи бронзы в бассейне р. Тетерева (стр. 205—210). Житомирской экспедицией раскопано пять курганов в урочище Гремячем и, кроме того, поселение у с. Ворошиловки. В курганах на различной глубине обнаружены остатки трупосожжения, фрагменты лепной круглодонной посуды, отщепы кремня. В одном кургане найдена бронзовая шпилька. Автор полагает, что эти курганы следует отнести ко времени средней бронзы. В поселении найдены многочисленные фрагменты керамики как с шершавой, неровной (99% всех фрагментов), так и с блестящей, гладкой поверхностью. Аналогии керамике данного поселения Е. Махно видит в находках Войцеховского могильника и в могильниках так называемого комаровского типа. Поселение датируется VIII—VII вв. до н. э. Ворошиловское поселение является

¹ В том же разделе помещен отчет П. Шульца о раскопках Неаполя Скифского, опубликованный раньше в несколько измененном виде в КС ИИМК, вып. XXI, 1947, и в ряде других изданий.

² Каменные сооружения, имеющие характер закладок или вымосток, обычно над могилами.

³ Так автор, в отличие от каменных закладок, называет каменные вымостки, напоминающие фундаменты строений.

первым, и притом самым восточным, поселением Войцеховско-Комаровского типа на территории от верховьев Днестра и Припяти до среднего течения р. Тетерев.

И. Свешников, Отчет об экспедиции в с. Затока Львовской области (стр. 212 — 216). В 1939 г. здесь был найден большой глиняный сосуд. В 1946 г. здесь проведены небольшие раскопки. Вещевой материал представлен фрагментами керамики и кремневыми орудиями. Аналогию к материалам данного поселения автор находит в могильниках комаровского типа (1700—700 гг. до н. э.), но некоторые особенности инвентаря, в частности керамики, заставляют автора датировать поселение у с. Затока 1200—700 гг. до н. э.

С. Бибииков, Дотрипольское поселение Лука-Врублевская на среднем Днестре (стр. 226—242)¹. В 1946 г. обнаружено два жилища полуземляночного типа (раскопы I и II) с линией очагов посередине и одно наземное сооружение (раскоп III), в котором были два очажных углубления и две ямы. Автор отмечает, что по техническим способам и композиции «орнаментацию посуды из Луки-Врублевской можно поставить в один ряд с керамикой Извоар I» (стр. 237). Наличие большого количества кремневых орудий (нуклеусы, ножевидные пластины, серпы и т. д.) «отличает это поселение от поселений трипольского круга, кроме, возможно, Бутмира» (стр. 237). Свообразную группу находок составляют терракоты — изображения женщин и мужчин. С. Бибииков считает, что поселение у Луки-Врублевской относится к дотрипольской стадии и аналогично нижнему слою Извоара.

А. Добровольский, Восьмая Игреская неолитическая стоянка (стр. 243 — 251). Эта стоянка, расположенная на надпойменной террасе р. Подковы, недалеко от впадения р. Самары в Днепр, была открыта в 1932 г. Раскопками 1945—1946 гг. установлено наличие нескольких культурных слоев. Самый древний слой «F» относится к тарденуазской эпохе, более поздние — раннеолитические слои «E» и «E₁». Слой «D₁» представляет начальную, а слой «D» конечную стадию среднего неолита. В слое «C» залегают остатки славянской культуры XII—XIII вв. Таким образом, на территории этой стоянки человек жил на протяжении всего неолита, что представляет большой интерес для изучения этой эпохи.

А. Бодянский, Неолитическая стоянка на острове Шулаевом (стр. 253—262). На стоянке обнаружены два культурных слоя эпохи раннего неолита.

М. Рудинский, Стоянки с микролитическим инвентарем на острове Кизлевом (пороги) (стр. 264—273). На основании анализа микролитического инвентаря, в частности на острове Кизлевом, автор приходит к выводу, что «неолит Надпорожья развивается на эппалеолитической основе», что это «неолит малых форм и микролитических изделий» (стр. 271). Свообразие неолита Надпорожья объясняется природными условиями. М. Рудинский выделяет на юго-востоке Украины два района с местными особенностями развития неолита: левобережную лесостепь и треугольник Мариуполь—Чернигов — Херсон. Истоки Надпорожского и близкого к нему Донбасского неолита, по мнению автора, следует искать в эппалеолите Крыма, с которым «у них будет больше общих черт, чем с эппалеолитом лесостепного Левобережья и Донца» (стр. 273)².

Последний раздел второго тома посвящен памятникам эпохи палеолита.

М. Воеводский, Краткий отчет Деснинской экспедиции о результатах

¹ О раскопках того же года см. также С. Н. Бибииков, Дотрипольское поселение Лука-Врублевская, КС ИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 60 сл. Здесь рассматривается также хозяйственный уклад местного населения. Кроме того, см. также С. Н. Бибииков, Поселение Лука-Врублевская и его значение для истории раннеземледельческих племен юга СССР, СА, XI, 1949, стр. 126 сл.; он же, Жилища раннеземледельческого поселения в Луке-Врублевской на Днестре, КС ИИМК, XXXV, 1950, стр. 74 сл. Критические замечания по поводу указанных статей см. ВДИ, 1951, № 3, стр. 113.

² В этом разделе помещено также сообщение Т. С. Пассек о раскопках Трипольского поселения у с. Владимировки; это сообщение было в том же виде напечатано ранее в КС ИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 65—72.

изучения памятников эпохи камня в 1945—1946 гг. (стр. 277—282). Экспедиция открыла вблизи г. Курска новую палеолитическую стоянку у с. Авдеевки, культурный слой которой аналогичен верхнему горизонту стоянки Костенки ¹. Интересные результаты дали раскопки стоянки Песчаный ров, около с. Пушкاري, Черниговской области. Характерно, что форма орудий и техника их изготовления отличаются от степного мезолита южных областей.

А. Черныш, Поздняя палеолитическая стоянка около с. Владимировки (стр. 284—288) ². При раскопках этой стоянки было выявлено восемь культурных слоев и два слоя с находками фауны. Культурные слои относятся к мадленскому и эппипалеолитическому времени.

И. Левицкий, Раскопки палеолитической стоянки на балке Осокиной в 1946 г. (стр. 289—291). Палеолитическая стоянка в балке Осокиной близ днепровских порогов начала изучаться в 1931 г. Этот памятник интересен своей многослойной стратиграфией, охватывающей период конца верхнего палеолита. Работами 1946 г. был установлен ряд новых культурных слоев, относящихся к азийскому времени.

С. Бибиков, Верхнепалеолитическое местонахождение на среднем Приднестровье (стр. 293—298). В статье публикуются материалы разведки 1946 г. и предшествующих лет. Ввиду того, что азийских и тарденуазских селищ на среднем Днестре не встречено, автор высказывает предположение, что они здесь и не будут найдены в том виде, в каком известны в других районах, так как в «юго-западном углу СССР, как и в ряде областей Центральной и Южной Европы, формировались иные культурно-исторические условия» (стр. 297).

М. Рудинский, Из материалов Днестровской экспедиции 1945 г. (стр. 299—313). Изучение верхне-палеолитических стоянок около с. Сокол, в окрестностях Китай-города и Колачковцы Каменец-Подольского района позволило автору подытожить свои наблюдения над верхне-палеолитическими местонахождениями западной Подольи. Этот район, как и территория среднего Поднестровья, был одним из наиболее значительных очагов культуры верхнего палеолита в пределах Центральной Европы.

П. Борисовский, Работы в области изучения палеолита на среднем Днестре в 1946 г. (стр. 315—321) ³. В 1946 г. около с. Лука-Врублевская было открыто первое в районе Днестра местонахождение ашельского или клектонского времени. Кроме того, открыто несколько стоянок эпохи верхнего палеолита.

И. Пидопличко, Разведки палеолитической стоянки Ильинка в 1946 г. (стр. 323—325). Автор сообщает о результатах изучения фауны, найденной во время раскопок стоянки. Наибольшее количество костей (99%) принадлежало пещерному медведю. Обнаружены также кости лошади, бизона, оленя, сайги. Имеются кости со следами обработки их человеком.

В. Даниленко, Круглик — первый нижний палеолитический памятник УССР (стр. 326—330). В 1946 г. в 30 км севернее г. Запорожья, в местности Круглик открыто нижне-палеолитическое стоябище. Археологический материал представлен ручными рубилами, нуклеусами, отбойниками и остроконечниками. Это первый памятник эпохи нижнего палеолита на территории Украины.

¹ См. М. В. Воеводский, Памятники каменного века на Десне, КС ИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 22 сл.

² А. П. Черныш, Палеолитическая стоянка у с. Владимировки, КС ИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 47 сл. Статья является подробным отчетом о работах 1946 г. См. также А. П. Черныш, Новые исследования Владимировской палеолитической стоянки, КС ИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 89 сл.

³ См. П. И. Борисовский, Работы на среднем Днестре по изучению палеолита. Тезисы доклада, КС ИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 46. См. также того же автора «Древнепалеолитические местонахождения Среднего Поднестровья», СА, XI, 1949, стр. 103 сл., и «К вопросу о периодизации палеолитических памятников Поднестровья», ВЛГУ, 1948, № 2, стр. 87 сл.

*

Рассмотренные сборники представляют несомненный интерес, так как вводят в научный оборот большое количество новых, и притом самых разнообразных, археологических материалов. Особое значение имеет исследование раннеславянских памятников, в первую очередь культуры полей погребений. Правильно намечена задача отыскать славянские памятники V—VIII вв., которые заполнили бы белое пятно в истории развития славянской культуры от антов до Киевской Руси. Широко поставлено изучение древнерусских городов.

Следует также всемерно приветствовать стремление украинских археологов глубже изучать культуру местного населения Причерноморья в античную эпоху. Особо важное значение имеет открытие памятников нижнего палеолита на Украине, что расширяет представление о распространении этой культуры на территории СССР.

По типу издания «Археологические памятники УССР» напоминают «Краткие сообщения», каковыми они, по нашему мнению, и должны быть. Институту археологии следует отказаться от издания толстых, громоздких сборников, в которых результаты экспедиций публикуются лишь через 3—4 года, и перейти к выпуску меньших по объему, но чаще выходящих кратких сообщений, которые более оперативно отражали бы текущую научную жизнь археологов Украины.

Главным недостатком рассмотренных сборников является отсутствие в них статей по теоретическим вопросам марксистско-ленинской исторической науки и отсутствие борьбы за поднятие идейного уровня работы археологов Украины.

Сама публикация памятников в сборниках производится в общем удовлетворительно, хотя здесь необходимо указать ряд недостатков. Не все отчеты снабжены иллюстрациями. Некоторые авторы не дают точных указаний относительно местонахождения вновь открытых памятников. Особенно ощутительно отсутствие карт-схем.

Неудовлетворительно составлены многие резюме на русском языке. Этому вопросу редакция явно не уделила должного внимания. Зачастую резюме неточно передают содержание статей. Так, например, в статье Ф. Копылова говорится об исследовании ранее известных городищ Монастырища и др., а в резюме эти городища фигурируют среди вновь открытых памятников (т. I, стр. 253). Иногда в резюме можно найти положения, которых автор в данной статье не высказывал (см. например, резюме к статье М. Воеводского, т. I, стр. 110). Часто резюме ограничиваются лишь пересказом фактического материала и не включают теоретических обобщений, имеющих в статьях, что уже совершенно недопустимо.

Нам представляется также, что вряд ли является целесообразным печатание сообщений, ранее опубликованных в других изданиях, хотя бы и в измененном виде.

В заключение следует пожелать, чтобы Издательство АН Украинской ССР уделяло больше внимания внешнему оформлению издаваемых сборников, которое заставляет желать лучшего.

А. Н. Москаленко

ТРУДЫ МУЗЕЯ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА¹

Выдающееся значение археологических открытий на территории Азербайджанской ССР хорошо известно. На основании новооткрытых археологических материалов можно в известной степени реконструировать главные этапы богатой и яркой истории культуры древнего Азербайджана. Начатое с большой интенсивностью после Великой Октябрьской социалистической революции изучение памятников Азербайджана достигло серьезных успехов. Надо, однако, сказать, что с публикацией новых материалов и отчетов

¹ «Материальная культура Азербайджана», I, Баку, 1949, 158 стр.; Е. А. П а х о м о в, Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. V, Баку, 1949, 63 стр. + 5 карт, Изд-во АН Азербайджанской ССР.